

Не в силах вынести вида существа, которое я создал, я выбежал из комнаты и долго метался по спальне, слишком потрясенный, чтобы уснуть. Наконец смятение мое уступило усталости; как был одетый, я бросился на кровать в надежде забыться на несколько мгновений. Но напрасно; хотя я и уснул, меня мучили дикие кошмары: мне привиделась Элизабет, цветущая и прекрасная, которая шла по улицам Ингольштадта. В радостном удивлении я обнял ее, но не успел запечатлеть поцелуй на ее устах, как на них легла смертная синева, черты ее изменились, и я обнаружил, что сжимаю в руках труп моей матери, укутанный в саван, в складках которого копошились могильные черви. Я в ужасе очнулся; холодный пот катился по моему лбу, зубы стучали, тело сотрясали судороги; и тут тусклый желтый свет луны, пробивавшийся сквозь ставни, явил мне мерзкую фигуру — чудовищного монстра, созданного мной.

Мэри Шелли.

Франкенштейн, или Современный Прометей

ОТ АВТОРА

Элизабет, злосчастную *fiancee*¹ Виктора Франкенштейна, Мэри Шелли во многом писала с себя. Однако роль повествователя она поручила не ей; для этого она выбрала исследователя Арктики Роберта Уолтона. Во «Франкенштейне» звучат в основном голоса мужчин — Уолтона, Виктора и чудовища. Элизабет позволено высказаться лишь в нескольких письмах, вкрапленных в повесть. Даже когда речь зашла о публикации книги, Мэри проявила скромность. Будучи столь же эмансипированной женщиной, как ее мать — Мэри Уолстонкрафт, первая на Западе феминистка, она, тем не менее, согласилась убрать свое имя с титульного листа. Издатель нашел роман чересчур мрачным и предпочел оставить публику в неведении относительно того, что его автор — женщина. Многие читатели решили, что «Франкенштейн», вышедший анонимно в 1818 году, написан не Мэри, а ее мужем, Перси.

Меня долго преследовало ощущение, что Мэри больше всего не хватало в ее «Франкенштейне» того, о чем могла поведать одна лишь Элизабет и что осталось сокрытым тайной. Мой пересказ повторяет

¹ Невесту (*фр.*). (*Здесь и далее — прим. перев.*)

сюжет исходной повести, но все происходящее в нем увидено глазами исключительно Элизабет. Помещая в центр своего романа историю алхимической любви, Мэри Шелли не сознавала, насколько глубоко она затрагивает психологические основы западной науки. В ту эпоху она не могла знать о более экзотических корнях алхимии, но ее интуитивная догадка относительно того, что алхимия обнажает взаимоотношение полов в науке, оказалась на удивление верной. Надеюсь, выступая здесь от лица невесты Франкенштейна, она наконец сможет высказать то, о чем не могла говорить в те времена.

Теодор Рошак

*Беркли, Калифорния
1994*

ПРЕДИСЛОВИЕ

к «ВОСПОМИНАНИЯМ
ЭЛИЗАБЕТ ФРАНКЕНШТЕЙН»
СЭРА РОБЕРТА УОЛТОНА, КНО и ОБИ¹

Лондон, 1843

Множество читателей знают обо мне единственно потому, что я познакомил мир с доктором Виктором Франкенштейном. Осенью 1799 года, исправляя должность судового натуралиста в арктической экспедиции, я принял участие в спасении погибающего путника, который заблудился среди полярных льдов. Проведший долгие дни на плавучей льдине несчастный умирал от голода и холода, когда мы подняли его на борт нашего корабля. Это был Виктор Франкенштейн, который, возвращенный нашими стараниями к жизни из тяжелейшего своего состояния, поведал о цепи жутких событий, приведших его в эти скорбные воды. В отчаянии от того, что не останется свиде-

¹ F.R.S., O.B.E. — член Королевского (научного) общества и кавалер ордена Британской империи.

тельств его злоключений, он уговорил меня записывать за ним его рассказ — просьба, в которой я едва ли мог отказать человеку, находящемуся на пороге смерти.

Так, по неисповедимой прихоти судьбы мне выпало стать летописцем жизни Франкенштейна. Во всем мире я единственный, кто услышал от него самого признание о его преступлении против природы; я единственный, кто узнал о страданиях, которые он навлек на себя этим деянием; единственный, кто был свидетелем душевных терзаний, запечатлевшихся на его лице. Поистине это была проклятая душа, тщетно молящая о спасении. Исполнить предсмертную просьбу Франкенштейна было долгом милосердия. Тем не менее все то время, что я сидел у его постели, мне с моим трезвым умом ученого не давал покоя один вопрос: *«Где реальное доказательство того, что хоть что-то из рассказанного им правда?»* Как я могу быть уверен, что все это не бред поврежденного разума?

И вот, когда Франкенштейн наконец испустил дух, я оказался лицом к лицу с чудовищем, которое он создал; я говорил с ним; я слышал грубый звериный скрежет — его голос; я ощущал ледящую кровь угрозу, исходящую от него; и в довершение всего с изумлением увидел, как оно подняло на руки бездыханное тело своего создателя и скрылось среди диких льдов, чтобы взойти с ним на погребальный костер.

Только тогда я поверил.

Должен откровенно признаться, что проклиная тот день, когда судьба наградила меня славой, бремя которой мне приходится ныне влачить за собой. Ибо уверенно могу утверждать без риска показаться не-

скромным, что собственные мои изыскания в части истории полярных областей представляют собой значительный вклад в современную науку. Вот почему мне трудно примириться с тем фактом, что для всего мира мое имя соединяется с единственным случайным обстоятельством, в котором моя роль сводилась к записи рассказа того, кого мир всегда будет почитать ежели не как врага Творца, то как безумца и преступника.

Я мог, по крайней мере, надеяться, что по опубликовании моих бесед с Франкенштейном освобожусь от этого человека и беспрепятственно вернусь к своим научным занятиям. Но напрасно я надеялся. Вместо того посвятив столь много времени сохранению памяти о нем, я обнаружил, что, сам того не желая, стал наследником ужасного, но неизбежного бремени. Я чувствовал обязанность сделать все, что в моих силах, дабы мир вынес из этой истории ясную и недвусмысленную мораль. Ибо случай этот содержит в себе уроки, бесполезные, как вижу, для моих ученых коллег. Узник собственной совести, я чувствую, что каждая подробность о работе Франкенштейна должна быть сохранена — а тем паче подробности жизни самого этого человека. Я спрашивал себя, как случилось, что столь мощный интеллект впал в подобное заблуждение и опозорил свой гений? Какими путями пришел он к своему трагическому занятию и что подвигло его на это? Найди я ответ на эти вопросы, и правдоподобность истории Франкенштейна, а также глубина его морального падения могли многократно увеличиться.

Но *все* ли этот человек рассказал мне, не утаил ли чего, поверяя свою тайну?

Лишь в конце лета 1806 года политическая обстановка на Европейском континенте вновь стала достаточно спокойной, что позволило мне предпринять тщательные поиски сведений, кои раскрыли бы подоплеку рассказа Франкенштейна. В тот год, во время краткого мира, наступившего на юге Европы вслед за триумфом Наполеона под Аустерлицем, я свободно мог путешествовать по местам вокруг Женевы, где находилось родовое поместье Франкенштейнов. Все те беспокойные годы Женева и вся территория Во были откровенно аннексированы наполеоновской империей. Но — увы! — революционные силы, высвобожденные вторжением Великой армии императора, быстро разделались с городскими архивами, как и с самими аристократическими семействами, сведения о коих в них содержались. Династии швейцарских негоциантов были изгнаны из страны, их имущество грубо экспроприровано, и экспроприаторы мало заботились о сохранности исторических документов. Малочисленные дальние члены клана Франкенштейнов, разысканные мною в тех краях, с крайней неохотой говорили о своем родственнике; все как один считали, что он запятнал репутацию семьи и должен быть вычеркнут из памяти. То же и в ингольштадтском университете, альма-матер Франкенштейна, — он находился неподалеку от места битвы при Иене, где войска Наполеона уже готовились к легендарному сражению с армиями короля Фридриха, — там я обнаружил, что главные его наставники или умерли, или уехали; само это заведение было закрыто — неизбежное следствие тревожных времен. Я уже готов был расстаться со всякой надеждой, когда удалось узнать о местона-

хождении Эрнеста Франкенштейна. Сей последний уцелевший член семейства жил в ту пору в отдаленной деревне, расположенной высоко на склонах Юры; он с неохотою признался, что обладает некоторыми бумагами, относящимися к истории своего брата. Недалекий человек, озлобленный по причине потери родового имени, Эрнест готов был выпустить из своих рук документы только за определенную сумму. В своей подозрительности он не позволил мне даже прикоснуться к бумагам, пока не получит деньги, — хотя и тогда протянул лишь несколько первых страниц, крепко сжимая остальные, как скряга, который не в силах расстаться с последней монетой. Но и того, что он показал мне, было достаточно; стоило мне перевести лишь несколько первых строк, как я с нетерпением заплатил, сколько он требовал, — крохи по сравнению с тем, что те документы значили для меня.

По завершении сделки Эрнест самодовольно усмехнулся моей, как ему казалось, глупости. «Это просто вздор цыганского отродья, то, за что вы выложили свои денежки. Пусть вам будет от них хоть какая польза, мистер Проныра!» Я простил невежде его радость от удачной сделки и поспешил удалиться, окрыленный победой. Ибо бедный простофиля сверх просимого передал мне письма и бумаги Элизабет Лавенца, неродной сестры, а позже fiancée Франкенштейна.

Те, кто читал мою повесть о нем, припомнят, что эта несчастнейшая из женщин, любовь всей жизни и нежный друг Виктора Франкенштейна, встретила свою смерть в брачную ночь, убитая истинным дьяволом, коего создал ее супруг. Наверняка Эрнест Франкенштейн не представлял, какую ценность эти

бумаги могли иметь для меня. Едва я бросил взгляд на них, как сообразил, что могу найти в них ключ к трагедии Франкенштейна. Ибо необходимо услышать всех *троих*, если мы хотим до конца понять эту необычайную историю. Во-первых, самого Франкенштейна; это у нас есть: его рассказ я слышал из собственных его уст и записал дословно. Во-вторых, его чудовищного создания: его слова, приведенные Франкенштейном в своем рассказе, дополняются тем, что чудовище сказало мне, когда мы стояли с ним над бездыханным телом его создателя. И наконец, рассказ той, кто знала Франкенштейна ближе, чем кто бы то ни было: Элизабет, последнего и единственного невинного (как я считал в то время) члена этой несвятой троицы.

Итак, со своей драгоценной находкой я вернулся в Англию, чтобы завершить историю этого выдающегося человека — как раз к тому моменту, когда хрупкий мир в Европе вновь был нарушен столкновением великих армий.

Вскоре я обнаружил, что задача мне предстоит отнюдь не легкая. Перечитав записи Элизабет Франкенштейн несколько раз, я понял, что они отличаются большей откровенностью, нежели мне поначалу показалось, возможно, даже большей, нежели я готов был приветствовать. Ибо это было не просто дополнение к рассказу Франкенштейна; ее свидетельство касалось самой сути истории. Более того, вскоре у меня появилась причина опасаться, что эти страницы могут скрывать в себе более глубокий смысл, каковой мне будет не по силам разгадать.

А теперь впервые признаюсь, что Виктор Франкенштейн сообщил мне больше, чем я до сих пор

открыл миру. В своем рассказе он затронул нечто, о чем я посчитал уместным не упоминать при публикации. Например, он пространно — и часто как бы в бреду — говорил о занятиях алхимией и о роли своей невесты в тех опытах; но его откровения звучали, на мой взгляд, маловразумительно, не вполне достоверно. Многие из того, что он рассказывал мне, я тогда приписывал лихорадочному состоянию его ума. Послушно записывая за Франкенштейном каждое слово, я, однако, уже тогда, у его смертного ложа, решил, что те излияния, полные скандальных признаний, самоубийственных и покаянных, ни в коем случае не должны стать достоянием публики. В конце концов, это могло быть всего лишь повинным воплем умирающей души. Поэтому я из сострадания предпочел умолчать о том, что он поведал мне о некоторых достойных осуждения вещах, каким он подвергал женщину, по его уверениям, столь им любимую. Я сделал это по причине глубочайшей заботы о репутации сей несчастной женщины. Ибо даже если откровения Франкенштейна были правдивы, я не имел желаний рассказывать о тех противоестественных вещах, каковые она, в своей духовной слабости, возможно, была вынуждена совершать, соединенная с Франкенштейном узами так называемого «химического брака». Я поверил Франкенштейну, когда он утверждал, что на нем, и только на нем, лежит ответственность за разращение Элизабет. Он не раз повторял мне со всею горячностью, что она лишь слепо повиновалась ему, когда он вынуждал ее совершать нечто непристойное.

До нынешнего дня я неизменно старался видеть в Элизабет Франкенштейн жертву патологического че-